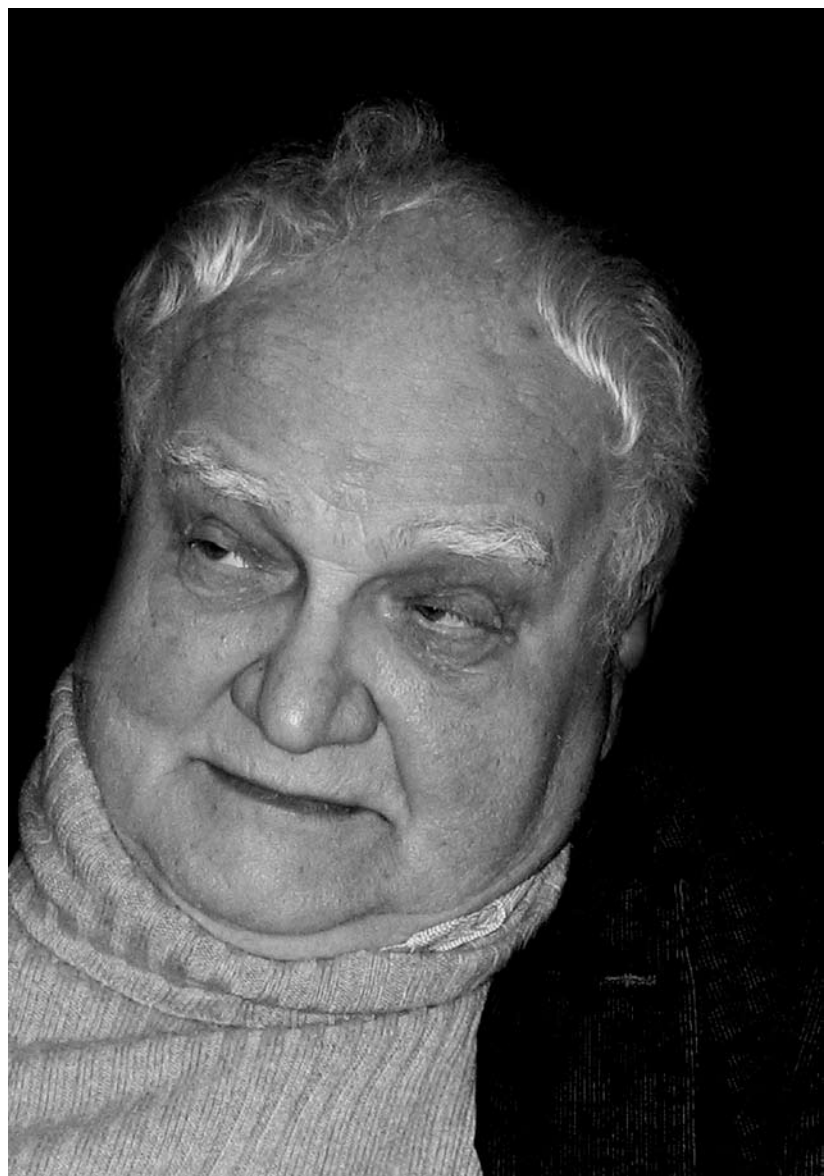

Вяч. Вс. Иванов

Труды
по ЭТИМОЛОГИИ
индоевропейских
и древнепереднеазиатских
ЯЗЫКОВ

Том 1

Вяч. Вс. Иванов

Труды
по ЭТИМОЛОГИИ
индоевропейских
и древнепереднеазиатских
ЯЗЫКОВ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР
ЗНАК
МОСКВА 2007

Вяч. Вс. Иванов

Том 1

Индоевропейские
корни
в хеттском языке

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР
ЗНАК
МОСКВА 2007

ББК 81.2
И 18

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 05-04-16022

Иванов Вяч. Вс.

И 18 Труды по этимологии индоевропейских и древнепереднеазиатских языков. Т. 1: Индоевропейские корни в хеттском языке. — М.: Языки славянских культур: Знак, 2007. — 560 с. — (Opera etymologica. Звук и смысл).

ISBN 5-9551-0201-9

Книга представляет собой собрание этюдов о наиболее достоверной части индоевропейских этимологий хеттских слов и изложение результатов исследования структурных особенностей представленных в них индоевропейских корней. Рассматриваются особенности хеттского словообразования и употребления индоевропейской части словаря в текстах разных периодов. Книга содержит также исторический обзор работ по структуре корня и ларингальной теории. Рассмотрены данные хеттского языка, существенные для принятия ларингальной теории. В приложениях обозреваются слова, которые представляют особый интерес для изучения истории хеттов, в частности, название хеттского «собрания». Книга может представить интерес для интересующихся историей культуры и языков Древнего Востока и для исследователей отдельных индоевропейских языков.

ББК 81.2

ISBN 5-9551-0201-9

© Вяч. Вс. Иванов, 2007
© Языки славянских культур, 2007
© Знак, 2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	11
Введение	21

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Хеттские глагольные и именные основы, восходящие к индоевропейским корням

§ 1. Корневой глагол <i>eš-</i> и образованные от него именные основы на <i>*(e)nt</i> и <i>-ri-</i>	55
§ 2. Корневой глагол <i>ed-</i> ; производные от него глагольные основы на <i>-š-</i> и на <i>-šk-</i> ; производные именные основы на <i>*(e)nt-</i> и <i>ri-</i>	58
§ 3. Корневой глагол <i>kuen-</i> и особенности производных от него слов; редуплицированная именная основа <i>kunkunuzzi-</i>	67
§ 4. Корневой глагол <i>cek-</i> и его производные; редуплицированная основа <i>cecak-</i>	70
§ 5. Корневой глагол <i>ep-</i> и связанные с ним производные слова	72
§ 6. Корневой глагол <i>tarḫ-</i> и родственные ему основы на <i>*-u-(er)-en-</i> в хетто-лувийских и индоиранских языках	74
§ 7. Корневой глагол <i>šanḫ-</i>	77
§ 8. Корневой глагол <i>ḫark-</i> и глагол с носовым инфиксом <i>ḫarnink-</i> в сравнении с родственными словами других индоевропейских языков	78
§ 9. Корневой глагол <i>eku-</i> и родственные ему слова хетто-лувийских языков	83
§ 10. Корневой глагол <i>luk-</i> ; производная глагольная основа на <i>-eš</i> ; производные именные основы <i>lutta-</i> и <i>lalukkima</i>	88
§ 11. Корневой глагол <i>neku-</i> ; значение данных хеттского языка для анализа общеиндоевропейского названия «ночи»	94
§ 12. Глагол медиопассивного спряжения <i>ki-</i>	96
§ 13. Глагол медиопассивного спряжения <i>šur</i> ; причина исчезновения производных от <i>*šur-</i> в клинописном хеттском языке	97

§ 14. Глагол <i>šeš-</i> ; история производных от <i>*ses-</i> в хеттском языке в сопоставлении с историей производных от <i>*šep-</i>	105
§ 15. Слова, восходящие к корню <i>*ei-/i-</i> , в хеттском языке; архаичные производные от <i>*ei-</i> ; происхождение термина <i>antiġant-</i>	111
§ 16. Глагол спряжения на <i>-ĥi dai-/te-</i>	121
§ 17. Глагол спряжения на <i>-ĥi ar-</i> и родственные ему глагольные основы на <i>*-n(e)u-</i> , <i>-š-</i> , <i>-šk-</i>	122
§ 18. Глагол спряжения на <i>-ĥi nai-</i> и производные основы на <i>-š-</i> и <i>-šk-</i>	128
§ 19. Хеттский глагол спряжения на <i>-ĥi spant-</i> в сравнении с родственными словами других индоевропейских языков	129
§ 20. Глагол спряжения на <i>-ĥi gank-</i>	134
§ 21. Глагол спряжения на <i>-ĥi šek-</i>	135
§ 22. Глагол <i>eš-</i> 'сидеть' и производные от него слова	136
§ 23. Глагол на <i>-iġa ūešiġa-</i> и существительное <i>ūeši-</i> ; имя деятеля <i>ūeštara-</i> и соответствующие ему слова в лувийском и древнеиранском языках	138
§ 24. Глагол на <i>-iġa turiġa-</i>	146
§ 25. Глагол на <i>-iġa ūeriġa-</i>	147
§ 26. Глагол на <i>-iġa ūarsaniġa-</i> и родственные ему слова	149
§ 27. Глагол <i>paḥš-</i> и проблема глаголов на <i>-š-</i> и на <i>-šk-</i> в хетто-лувийских, кучанско-карашарских и других индоевропейских языках	151
§ 28. Глагол на <i>*-es- ūeš-</i>	173
§ 29. Глагол на <i>*-es- kalleš-</i>	175
§ 30. Глагол <i>damaš-</i>	175
§ 31. Глагол <i>uāš-</i>	178
§ 32. Морфологическая структура хеттских глаголов, восходящих к корню <i>keš-</i> ; производная именная основа на <i>-ri kišri-</i>	179
§ 33. Глагол <i>dušk-</i>	180
§ 34. Глагол <i>malda-</i>	183
§ 35. Глагол <i>lišša-</i>	185
§ 36. Глагол <i>iškalla-</i>	186
§ 37. Глагол <i>lahhu(ua)-</i> ; вопрос о выделении аффикса <i>*-u-</i> в этом глаголе и родственных ему основах	187
§ 38. Глагол <i>malla-</i>	190
§ 39. Глагол <i>taġa-</i>	191
§ 40. Глагол <i>iġa-</i>	193
§ 41. Глагол <i>meta-</i> и его древняя морфологическая структура	195
§ 42. Общеиндоевропейское название «сердца» в свете данных хеттского языка	197
§ 43. Корневое имя существительное <i>uett-</i>	204

§ 44. Корневое имя <i>ḫant-</i> ; особенности родственных ему именных и наречных форм.....	205
§ 45. Прилагательное на <i>-u- parku-</i> ; глагол <i>parkeš-</i> и происхождение отыменных глаголов на <i>-eš-</i>	208
§ 46. Прилагательное на <i>-u- ranku-</i>	213
§ 47. Прилагательное на <i>-u- tepu-</i>	217
§ 48. Прилагательное на <i>-u- aššu-</i> и родственные ему слова хетто-лувийских языков	219
§ 49. Прилагательное на <i>-i- dankui-</i>	226
§ 50. Прилагательное на <i>-i- ḫarki-</i>	229
§ 51. Прилагательное на <i>-i- mekki-</i>	230
§ 52. Прилагательное на <i>-i- palḫi-</i>	231
§ 53. Хеттское имя существительное гетероклитического типа <i>ṣatar</i> и корневое имя <i>ṣid-</i> в хетто-лувийских языках; существительное <i>ṣataru</i> и вопрос об основах на <i>-ru-</i>	233
§ 54. Хеттское имя существительное гетероклитического типа <i>pattar</i> и его значение для сравнительно-исторического языкознания	241
§ 55. Имя существительное гетероклитического типа <i>ešḫar</i> и родственные ему именные и глагольные основы; вопрос о связи существительных <i>ešḫar</i> и <i>ešḫaḫru</i>	244
§ 56. Имя существительное гетероклитического типа <i>paḫḫur</i>	255
§ 57. Древний морфологический тип именных основ <i>ḫappar</i> и <i>ḫappinant</i>	259
§ 58. Имя существительное <i>keššar</i>	261
§ 59. Имя существительное гетероклитического типа <i>ḫaraš</i>	262
§ 60. Существительное <i>aiš</i>	265
§ 61. Прилагательное <i>maklant-</i>	267
§ 62. Производные от общеиндоевропейского названия «кости» в хетто-лувийских языках.....	268
§ 63. Существительное <i>melit</i> и родственные слова хетто-лувийских языков	274
§ 64. Прилагательное <i>daluki-</i>	277
§ 65. Существительное <i>karaṣar</i>	279
§ 66. Существительное <i>genu</i>	280
§ 67. Существительное <i>taru-</i>	282
§ 68. Существительное <i>šiu-</i> и родственные ему именные основы в хеттском и других древних индоевропейских языках Малой Азии.....	282
§ 69. Прилагательное <i>nekumant-</i>	291
§ 70. Общеиндоевропейское название «зимы» в хеттском языке	291
§ 71. Существительное <i>laman</i>	293

§ 72. Существительное <i>tekan</i>	294
§ 73. Существительное <i>hulana-</i> и родственные ему слова	296
§ 74. Существительное <i>uiana</i>	297
§ 75. Существительное <i>paltana-</i>	299
§ 76. Существительное <i>paršna-</i>	301
§ 77. Существительное <i>huant-</i>	302
§ 78. Существительное <i>nepiš</i>	303
§ 79. Существительное <i>hišša-</i>	304
§ 80. Прилагательное <i>neca-</i>	306
§ 81. Имена существительные <i>pedan</i> и <i>pata</i>	307
§ 82. Имя существительное <i>iugan</i> и родственные ему хеттские именные основы	309
§ 83. Существительное <i>ešha-</i>	312
§ 84. Существительное <i>hašša-</i>	315
§ 85. Существительное <i>arra-</i>	316
§ 86. Существительное <i>šakuca</i> и его особенности; родственные слова хеттского, лувийского и других индоевропейских языков	317

ГЛАВА ВТОРАЯ

Особенности структуры индоевропейских корневых морфем, представленных в хеттском языке

§ 87. Огласовка корня	327
§ 88. Проблема <i>*p</i> и <i>*ð</i> Бругмана в свете данных хеттского языка	355
§ 89. Особенности корневых морфем, в состав которых входит <i>h</i> . Фонетическая характеристика хеттского <i>h</i> и родственных ему фонем древних индоевропейских языков Малой Азии	366
§ 90. Структурные типы индоевропейских корневых морфем, представленные в хеттском языке	411
Заключение	430

ПРИЛОЖЕНИЕ I

История слов клинописного хеттского языка, восходящих к индоевропейскому корню **b^henĝ^h*- (в связи с историей хеттского *panku-* 'государственное собрание') 435 |

I. Слова, родственные хеттскому <i>panku-</i> , в других индоевропейских языках	436
II. Хеттское прилагательное <i>panku-</i> и родственные ему слова в хеттском языке	447

III. Хеттский термин <i>pankuš</i> ‘государственное собрание’ в двуязычном документе Хаттусилиса I.....	461
IV. Термин <i>pankuš</i> ‘государственное собрание’ в документе Телепинуса.....	474
V. Хеттское слово <i>pankur</i> ‘род’ и его связь с <i>panku-</i>	492
VI. Использование существительного <i>panku-</i> в хеттских текстах религиозного содержания	497
VII. Исчезновение «государственного собрания» (<i>pankuš</i>) в новохеттский период	506
ПРИЛОЖЕНИЕ II	
Значение и чтение слова в хеттских ритуальных текстах.....	510
Сокращения.....	519
Библиография.....	522
Дополнение	531
Библиография к Предисловию и Дополнению.....	551
<i>Английское резюме. Indo-European Roots in the Cuneiform Hittite Language and the Special Features of their Structure.</i>	<i>556</i>

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый вниманию читателей текст был написан в основных частях в 1952—1954 гг., когда автор занимался в аспирантуре МГУ под руководством проф. М. Н. Петерсона. Законченный в начале 1955 г. труд был представлен к защите на Ученом совете филологического университета МГУ в качестве сперва кандидатской диссертации, а потом (по решению этого Ученого совета) докторской диссертации. Утверждение постановления Ученого совета о присуждении автору докторской степени было отложено ВАКом под различными предлогами на неопределенное время (и так и не было принято: в ВАКе текст был потерян навсегда), а вскоре (в 1958 г. в связи с преследованием получившего Нобелевскую премию Б. Л. Пастернака, дружба с которым считалась главной моей виной) автор работы по политическим причинам был изгнан из профессуры МГУ, и предполагавшееся издание этой работы не состоялось. Принимая теперь предложение о публикации текста, большая часть которого написана больше чем полвека назад, автор исходил из предположения, что собранный в работе материал и сделанные на его основе выводы сохраняют свою значимость, а дальнейшие уточнения, связанные с существенным обогащением знаний за истекшие пятьдесят лет, могут быть извлечены из новой литературы (в том числе из последующих моих работ, не дублировавших эту первую), которая суммарно обозначена в Дополнении к книге, написанном для настоящего издания (и в прилагаемой в конце книги Библиографии к этому Предисловию и к Дополнению). Цели и задачи выполненной в диссертации работы, в более специальной части обрисованные в ее публикуемом ниже Введении, стоит кратко сформулировать в качестве предварения к книге, после чего имеет смысл остановиться на более новой проблематике, связанной с открытиями последних лет, позволяющими взглянуть на изучаемые проблемы в более широкой перспективе.

О целях настоящего исследования

Одной из главных задач, поставленных перед собой группой тех начинающих лингвистов, к которой я принадлежал вместе с В. Н. Топоровым,

Т. Я. Елизаренковой и другими, которым до того, пока мы были студентами филологического факультета МГУ, М. Н. Петерсон преподавал санскрит, литовский язык и сравнительно-историческую грамматику индоевропейских языков, было возобновление на современном уровне (учитывающем самые новые открытия) занятий этой последней областью языкознания. На протяжении послереволюционных лет она была в небрежении, если ее и касались не с намерением хулить все в ней сделанное, то писали о ней до начала пятидесятых годов преимущественно в духе соединения сравнительно-исторических выводов со стадильной типологией, тогда допускавшейся как единственная ортодоксальная область диахронической лингвистики. Одним из немногих исключений среди публикаций послевоенного времени была статья известного ираниста члена-корреспондента АН СССР А. А. Фреймана о хеттском языке в его отношении к другим индоевропейским языкам (Фрейман 1947¹). Прочитав ее сразу после выхода в свет, я поставил себе задачу вести работу в будущем в том направлении, которое описал Фрейман (он станет позднее — вместе с историком академиком В. В. Струве и лингвистом-компаративистом членом-корреспондентом АН СССР А. В. Десницкой — одним из главных оппонентов на моей докторской защите в 1955 г.).

Хеттский язык, дешифрованный великим чешским ассириологом Грозным в годы первой мировой войны, сделал возможным радикальное преобразование сравнительно-исторического индоевропейского языкознания. Прежде всего открылись большие возможности того, что в терминах Карла Поппера можно назвать фальсифицированием ранее выдвинутых гипотез². Хотя ни одно научное утверждение (в том числе и касающееся реконструкции языкового прошлого) не дает полной правильной картины описываемого явления, можно соотнести его с фактами и показать, не противоречит ли оно им. Если противоречия нет, осуществлена фальсификация гипотезы. С помощью фактов хеттского языка была проведена такая процедура по отношению ко многим общим построениям младограмматиков и деталям предложенных ими реконструкций. Этим объясняется в настоящей книге обилие ссылок на свод реконструкций Бругмана³. Поскольку эти (и многие другие) гипотетические предположения, основанные на абдукции (в смысле Пирса⁴), прошли проверку фальсификацией благодаря открытию фактов хеттского языка, которые не были известны создателям проверяемых с его помощью гипотез, была про-

¹ Ссылки без сопровождающей звездочки относятся к основной Библиографии к книге, ссылки со звездочкой относятся к Библиографии к Предисловию и Дополнению.

² *Поппер 1983.

³ Brugmann 1897—1916.

⁴ См. главу о реконструкции: *Иванов 2004.

демонстрирована принадлежность сравнительного языкознания к числу точных наук.

Хеттский язык не просто дал возможность проверить ранее существовавшие гипотезы, построенные на основе строгих методов сравнительно-исторического языкознания (преимущественно тех, которые были сформулированы младограмматиками и которые до сих пор остаются основой для многих исследований в этой области лингвистики). Едва ли не еще большее значение имеет то, что с помощью этих вновь открытых фактов удалось показать справедливость выводов, полученных Фердинандом де Соссюром благодаря внутренней реконструкции древнейшего состояния, осуществленной с помощью исследования соотношений между элементами системы¹. Самый характер метода исследования Соссюра обнаружил новые перспективы, открывающиеся перед диахроническим языкознанием. Открытие в 1927 г. Куриловичем тождества хеттской фонемы *h* выявленному Соссюром «сонантическому коэффициенту»² означало обнаружение возможности соотносить факты вновь открытого древнего языка с гипотезами о предыстории, полученными посредством внутреннего анализа. Созданная таким образом ларингальная гипотеза, история которой обсуждается во Введении к работе, изменила представление о характере исходной праиндоевропейской языковой системы фонем и об использовании этих фонем в корневых морфемах. В книгах, изданных в 1935 г., Бенвенист³ и Курилович⁴ изложили принципы изучения структуры индоевропейского корня, которые открылись благодаря ларингальной гипотезе. Вопрос представлял такой интерес, что его обсуждение было вынесено на очередной предполагавшийся международный съезд лингвистов. Предварительные материалы к этому обсуждению были собраны и в 1939 г. опубликованы (они использованы во Введении к книге), но сам съезд не состоялся из-за начала Второй мировой войны. После ее окончания казалось естественным продолжить прерванную работу.

Поскольку и ларингальная теория, и теория структуры индоевропейского корня строятся на основе данных хеттского языка, в начале 1950-х годов представлялось возможным на основе всего тогда достигнутого в области изучения хеттского языка вернуться к сопоставлению его фактов с этими теориями. Для этого было необходимо провести анализ строения хеттских глагольных и именных основ индоевропейского происхождения с целью выделения в них корней с помощью словообразовательного анализа. При этом

¹ *Ельмслев 1950—1951.

² Kuryłowicz 1927.

³ Benveniste 1935.

⁴ Kuryłowicz 1935.

использовалось синхронное понимание корневой морфемы (морфологическое определение корня в его соотношении с фонетическим рассмотрено во Введении). Вопросам выделения посредством словообразовательного анализа корневых морфем в хеттских существительных, прилагательных и глаголах посвящена первая глава книги. Выделенные в исследованных хеттских существительных, прилагательных и глаголах корни с достоверной индоевропейской этимологией можно считать базой для выявления правил построения корня в самом хеттском языке (числительные, местоимения и служебные слова не рассматривались специально ввиду действия в них особых морфологических правил). Выявленные таким образом характерные черты хеттского словообразования и динамика их развития были изложены автором в его докладе на 25-м Международном конгрессе востоковедов в Москве в 1960 г.¹ Проблеме структуры индоевропейских корней, отраженных в хеттском языке, и связанным с ней вопросам сравнительной фонетики и в особенности ларингальной теории посвящена вторая глава книги.

В первой главе была сделана попытка осуществить историко-этимологический подход к рассматриваемым лексемам. В тот период разделение древних и более новых хеттских текстов проводилось по особенностям их грамматики и содержания. Введенные позднее критерии датировки текстов по характеру письма, выделившие памятники, написанные древним пошибом клинописи (древнехеттским дуктом)², частично перекрещиваются с теми ранее использовавшимися содержательными и грамматическими критериями архаичных документов. Но архаичный текст может принадлежать к числу таких, которые переписаны в более позднее время, что сказалось на форме знаков, отличной от древнехеттского пошиба.

Хеттология, располагающая рядом древних текстов, описывающих структуру хеттского общества или дающих материал для ее реконструкции, представляет собой область, в которой могут быть получены результаты, важные для соотнесения языковых данных с историческими. Некоторые детали подобного исследования изучались в первом приложении к книге. Оно остается актуальным не только для хеттологии, потому что изучаемая в нем проблема соотношения власти, становящейся деспотической, с выборным собранием сохраняет значение и для последующих эпох и связана с постановкой социологических вопросов общего характера. Второе приложение рассматривает некоторые специальные проблемы изучения лексики ритуальных текстов, составляющих едва ли не наиболее статистически преобладающую часть архива хеттских царей.

¹ *Ivanov 1962; *Иванов 2001, с. *185—212.

² *Rüster 1972; *Neu, Rüster 1975.

Автор в момент написания книги стремился использовать уже известные параллели из других анатолийских (хетто-лувийских в принятой им тогда терминологии) языков и обнаружить явления, для них общие. Изучение этих языков, родственных хеттскому, с тех пор существенно продвинулось. В особенности много сделано для понимания лувийского клинописного языка, тексты которого только начинали анализировать, когда книга писалась (поэтому я счел нужным оставить без изменения соответствующие части работы, дающие представление о том, в каком виде находилась эта сфера знаний, что — как и некоторые другие сохраненные при публикации черты этой рукописи — может представить интерес для истории науки). Установлена значительная близость иероглифического лувийского (в книге еще именовавшегося «иероглифическим хеттским») к клинописному. Новые исследования показали вместе с тем, что это хотя и очень близкие языки, но все же разные. Оба этих лувийских языка входят в одну ветвь индоевропейской семьи языков, которую называют южно- (или западно-) анатолийской. К ней, кроме клинописного и иероглифического лувийских, относятся потомки лувийского, известные уже в античное время: архаичный и пока еще не вполне доступный для понимания ликийский Б или милийский; развившийся из этого древнего ликийского более поздний ликийский (А), близкие к нему античные языки Юго-Запада Малой Азии — недавно раскрытый карийский и еще совсем мало известные сидетский и писидийский. Исследование этой группы индоевропейских языков, продвинувшееся за последнее время, открыло в ней, наряду с чертами, очень напоминающими хеттский язык, другие, иногда сближающие ее с остальными индоевропейскими языками. Поэтому до сих пор продолжается дискуссия по поводу того, насколько реально существование особой единой группы языков, включавшей вместе с хеттским и близко ему родственным палайским (эти два языка объединяются в северно- или восточноанатолийскую группу) также и все южноанатолийские. К ним относился и лидийский язык, более близкий к хеттскому, чем к лувийскому. В диссертации все северно- и южноанатолийские языки вместе взятые называются (как это часто делалось в то время) «хетто-лувийскими»; в настоящее время общепринятым стал в этом значении термин «анатолийские». Некоторые современные лингвисты полагают, что анатолийские языки представляют собой скорее языковой союз, образовавшийся благодаря длительному контакту соседивших друг с другом северно- и южноанатолийских ветвей индоевропейской семьи языков. Первоначально эти две ветви могли существенно отличаться друг от друга. В таком случае большинство слов, общих для хеттского и лувийского (если они не принадлежат к заимствованиям более позднего времени из одного языка в другой или из третьего источника), можно признать общеиндоевропейскими.

О перспективах дальнейших продолжений начатого исследования

Основная задача, поставленная автором, была выполнена на ограниченном материале. Его границы определялись тогда степенью изученности хеттского словаря. К тому времени был издан только один крайне несовершенный этимологический словарь хеттского языка Жюре и уже вышло второе издание прекрасной сравнительно-исторической грамматики хеттского языка Стертеванта¹, подводившей итоги основным достижениям предшествующих исследований самого Стертеванта и многих хеттологов, создавших на протяжении 1900—1930-х годов замечательную хеттологическую школу и издавших большое число хеттских текстов с комментариями и переводами (результаты трудов, изданных за это время, и были суммированы в диссертации), а также индоевропейцев, интенсивно включившихся тогда в изучение анатолийских языков. По мере возможности доступные тогда исследования по отдельным словам и корням были учтены в диссертации.

Исследование хеттских текстов и содержавшегося в них лексического запаса продолжалось после Второй мировой войны с большой интенсивностью. Созданная еще за два предшествующих десятилетия хеттологическая школа в Германии (где хранилась основная масса ранее найденных клинописных таблиц) совершенствовала филологические методы исследования прежде всего в сериях работ, изданных Оттенем², Камменхубер³, Нейем⁴ и их учениками (соответствующие библиографические ссылки на эти и другие труды, упоминаемые ниже, можно найти в Библиографии к Дополнению и в работах, в ней указанных); Камменхубер начала переиздавать существенно ею дополненный и переработанный словарь Фридриха⁵, она успела до своей смерти издать и отдельные выпуски обширных собранных ею и ее учениками и сотрудниками лексикографических материалов⁶. Оттен создал марбургский фонд хеттских текстов, часть которого постепенно становится доступной в Интернете. В Турции продолжались раскопки хеттских клинописных архивов не только в ранее изучавшейся столице Хеттского государства Богазкёе (Богаз-Кале), но и во вновь открытых провинциальных городах Хеттского царства. Хеттология продолжала развиваться во многих странах. Начал выходить начатый при участии крупного хеттолога Гютербока фундаментальный Чикагский словарь

¹ Sturtevant, Hahn 1951.

² *St Bo T; *Otten 1958; 1973.

³ *THeth; *Kammenhuber 1969; 1973—.

⁴ *Neu 1968, 1970, 1974, 1996; *Neu, Meid 1979.

⁵ *Friedrich, Kammenhuber 1975—.

⁶ *Kammenhuber 1973—.

хеттского языка, в отдельных выпусках которого обобщен огромный материал по словам, начинающимся с определенных букв (L, M, N, P)¹. Тишлер издавал детальный этимологический словарь, содержащий очень богатую библиографию²; он же опубликовал краткий словарь, подводящий итоги современному знанию хеттской лексики. Оригинальный историко-этимологический словарь хеттского языка, издаваемый отдельными томами, довел уже до середины Яан Пухвель³. Молодые русские хеттологи, учившиеся у безвременно умершего Королева, начали издавать серьезные хеттологические работы, стоящие на уровне современных методов. От Польши до Японии во многих научных центрах ведется углубленное изучение хеттских текстов и словаря хеттского языка.

Накопленный в работах последних пяти десятилетий запас хеттской лексики с достоверной индоевропейской этимологией количественно существенно превышает размеры базисного словаря, использованного в первой главе книги. Но основные результаты остаются в силе, так как корневые морфемы, выделяемые в словах, вновь включаемых в базисный словарь, построены по тем же моделям, которые освещены во второй главе книги. Поскольку в диссертации исследована выборка достоверно унаследованных от индоевропейского праязыка слов, содержащих все употребительные типы корневых морфем, основные выводы подтверждаются вновь обнаруживаемым материалом. При расширении материала полученные результаты не меняются, но получают дополнительное подтверждение.

Новый подход может существенно изменить не конкретные выводы, касающиеся корневых морфем хеттского языка и индоевропейского праязыка и их структуры, а возможности восстановления их предыстории и характера их преобразования на ранних этапах распада индоевропейского праязыка. Для возможности решения первой проблемы особенно важны результаты ностратического внешнего сравнения, ставшего возможным благодаря трудам В. М. Иллич-Свитыча и его последователей, создавших целую новую область сравнительно-исторического языкознания, которая получила особенное развитие в работах многих наших лингвистов. Ностратическое языкознание может пролить свет на ранний этап истории анатолийских языков. В лексико-статистических исследованиях С. А. Старостина и его группы подтвердилось с помощью глоттохронологических вычислений высказывавшееся ранее предположение, что хеттский язык отделился от других индоевропейских раньше, чем все другие. Согласно последним лексикостатистическим вычис-

¹ *CHD.

² Tischler 1983—.

³ *Puhvel 1984—.

лениям С. А. Старостина, прерванным его смертью, индоевропейские диалекты отделялись от общего праязыка в последовательности, где первым был хеттский (т. е. североанатолийский; не исключено, что южноанатолийская группа отделилась несколько позднее), а следующими за ним тохарские (в книге они условно названы «кучанско-карашарскими»). Согласно этому предположению, такие рассматриваемые в книге слова и корни, которые являются общими для хеттского (и других анатолийских языков) и тохарского, могут быть остатками времени совместного существования этих диалектов. Но число таких слов невелико, и поэтому возможны и другие истолкования этих соответствий.

Если говорить об исторической последовательности фиксации индоевропейских диалектов, из них всех ранее представлен древнехеттский язык. По теперь общепринятому мнению, его самым ранним памятником была надпись царя Аниттаса, дошедшая до нас в поврежденных частях древнехеттского текста и копиях более позднего времени. Не исключено, что к той же эпохе староассирийских колоний в Малой Азии, концом которой датируется надпись Аниттаса (XVII в. до н. э.), может относиться создание древнехеттских текстов, прямо связанных с городом Неса (хаттское Каниш), по имени которого и сам язык, который мы зовем хеттским, назывался говорившими на нем «несийским» («неситским»). Собственно «несийских» текстов, упоминающих Несу и «певцов Каниша», сохранилось очень мало. Все они относятся к древнехеттским и архаичны по языку. Но сохранились они в составе архива Богзкёя и поэтому скорее всего представляют собой копии более ранних оригиналов (перенос их из прежнего несийского архива маловероятен). В самой Несе (Канише, соврем. Кюль-Тепе) собственно несийский (раннедревнехеттский) архив пока не найден. Раскопана та часть города, где находились дома староассирийских торговцев. Найденные в них и в других староассирийских колониях в Малой Азии тексты написаны особым пошибом клинописи на староассирийском диалекте аккадского языка, но содержат несийские имена местных жителей (в том числе теофорные, образованные от имен хеттских и лувийских богов), а также отдельные заимствованные слова несийского происхождения, имеющие индоевропейскую этимологию. Древнейшие из этих текстов, судя по новейшим датировкам (радиоуглеродным, дендрохронологическим в сочетании с анализом эпонимов), восходят к XXII в. до н. э., т. е. на полтысячелетия древнее самых ранних письменных памятников хеттского языка. Еще более ранние отдельные слова индоевропейского происхождения предполагаются в архиве Эблы (Северная Сирия) в середине III тыс. до н. э. и (по правдоподобной гипотезе Виттакера, принятой пока немногими учеными) в самых ранних текстах Южной Месопотамии, где возможные следы индоевропейского «евфратского» диалекта восходят к концу IV и началу III тыс. до н. э.

С этими предположительными новыми, значительно удаленными в пространстве и времени от позднейшей Европы (куда, по-видимому, индоевропейцы с юго-запада проникают через Балканы и Средиземное море позднее), данными о ранних индоевропейских диалектах согласуется предложенная С. А. Старостиным хронологическая датировка и локализация индоевропейского праязыка, начало распада которого отодвигается к V тыс. до н. э., когда индоевропейцы обитали еще на Древнем Ближнем Востоке. Первым от индоевропейского в этом хронотопе отделяется (северно-)анатолийский диалект, из которого позднее развивается несийский (раннедревнехеттский) язык.

С точки зрения ностратического внешнего сравнения оправданным оказывается вопрос, четко сформулированный в 1979 г. (по отношению к индоуральскому) Б. Чопом¹ и позднее подхваченный Дж. Гринбергом и рядом других ученых: если хеттский язык раньше других отделился от раннего общеиндоевропейского («индо-хеттского» в терминологии Стертеванта) языка, то в таком случае оправданным представляется поиск в нем таких ностратических архаизмов, которые из-за его древности (в плане абсолютной хронологии) могли сохраниться только в нем (и в других анатолийских языках, а в отдельных случаях и в позже отделившемся тохарском), тогда как в других индоевропейских языках они могли исчезнуть.

Из явлений, рассматриваемых в настоящей книге, к таким архаизмам хеттского и анатолийского (кроме отдельных слов, приводимых в Дополнении), принадлежат ларингальные и одна из двух основных серий глагольных форм (в других диалектах отраженная в существенно видоизмененной форме). Некоторые детали, относящиеся к более углубленному изучению предыстории соответствующих явлений, рассматриваются в Дополнении.

Автор надеется, что при дальнейшей разработке этих проблем могут принести известную пользу и материалы, собранные в настоящем исследовании.

¹ Çop 1979.

ВВЕДЕНИЕ

Расшифровка памятников клинописного хеттского (неситского) языка выдающимся чешским востоковедом Бедржихом Грозным и последовавшее за этим открытием интенсивное исследование хеттских текстов имеет исключительное значение для сравнительно-исторической грамматики индоевропейских языков. Хеттский язык является единственным индоевропейским языком, представленным многочисленными и разнообразными письменными памятниками, начинающимися с первой половины II тыс. до н. э. Эти памятники намного древнее письменных памятников других ранее известных индоевропейских языков¹.

Знакомство с фактами клинописного хеттского языка сделало необходимым пересмотр многих построений сравнительно-исторической грамматики индоевропейских языков и по-новому осветило ряд важных вопросов, относящихся к древнему периоду их развития. Среди проблем, привлечших внимание лингвистов в связи с использованием данных хеттского языка, одной

¹ Ко II тыс. до н. э. многие современные ученые относят создание древнейших гимнов «Ригведы» (для решения этого вопроса в настоящее время большое значение имеет сравнение ведийского языка с отдельными индоарийскими словами, известными из хурритских и хеттских текстов, ср.: *R. T. Ö'Callaghan. Aram Naharaim. A Contribution to the History of Upper Mesopotamia in the Second Millennium B. C. // Analecta Orientalia. XXVI. Roma, 1948*), но ведийские гимны были записаны в гораздо более поздний период. Как показали Вентрис и Чедвик, крито-микенские надписи «линейного письма В» составлены на древнегреческом языке (*M. Ventris, J. Chadwick. Evidence for Greek Dialect in the Mycenaean Archives // The Journal of Hellenic Studies. 1953. Vol. 73; ср.: A. Farumark. Ägäische Texte in griechischer Sprache // Eranos. 1953. Vol. 51. Fasc. 3/4. S. 103—120*), но и эти надписи относятся к более позднему периоду, чем древнехеттские тексты; гипотеза В. Георгиева о том, что и более ранние надписи «линейного письма А» составлены на греческом языке (*В. Георгиев. Нынешнее состояние толкования крито-микенских надписей. София, 1954*), не может еще считаться доказанной, поэтому можно утверждать, что пока науке неизвестны более древние пространственные письменные памятники индоевропейских языков, чем древнехеттские тексты XVII—XVI вв. до н. э.

из наиболее значительных является проблема структуры индоевропейского корня.

Изучение структуры корня имеет существенное значение для сравнительно-исторической грамматики индоевропейских языков. Особенности структуры корня должны учитываться при исследовании фонетического и морфологического развития индоевропейских языков¹. Вместе с тем закономерности фонетического строения корня следует принимать во внимание при этимологических исследованиях²; поэтому исследование структуры индоевропейского корня представляет известный практический интерес для составления этимологических словарей индоевропейских языков (большинство словарей, вышедших в последнее время, продолжает оперировать традиционным набором индоевропейских корней, к которым возводятся все незаимствованные слова). Вполне оправданным, следовательно, является внимание, уделяемое этой проблеме в современной лингвистике.

Интерес к этой проблеме усилился в середине XX века — после выхода в свет в 1935 г. исследований польского лингвиста Е. Куриловича³ и французского языковеда Э. Бенвениста⁴, в которых излагались новые теории структуры индоевропейского корня, связанные с использованием материала клинописного хеттского языка. Показательно, что на V Международном лингвистическом конгрессе в Брюсселе в 1939 г. проблеме корня посвящалось первое пленарное заседание⁵. Интерес к этой проблеме не ослабевает и в послевоенные годы, о чем свидетельствует появление специальных монографий и статей, посвященных анализу строения индоевропейского корня⁶. В 1950-е годы значение

¹ Этим объясняется то, что в новейших руководствах по истории отдельных индоевропейских языков изложение особенностей структуры индоевропейского корня предпосылается анализу морфологических явлений, см., напр.: *П. Шантпен*. Историческая морфология греческого языка. М., 1953. С. 9—12.

² Ср. замечания А. А. Белецкого о значении «теории фонетического строения простых основ или корневых морфем» для этимологических исследований: *А. А. Белецкий*. Принципы этимологических исследований (на материале греческого языка). Киев, 1950. С. 238.

³ *J. Kuryłowicz*. *Etudes indo-européennes*. Kraków, 1935.

⁴ *E. Benveniste*. *Origines de la formation des noms en indo-européen*. Paris, 1935 (в дальнейшем сокращенно «Origines»).

⁵ В представленном к этому заседанию докладе: *J. Duchesne Guillemin*. *Le problème de la racine* (5ème Congrès international des linguistes. Deuxième publication. Rapports. Bruges, 1939. P. 7—18) были подведены итоги широкому обсуждению проблемы корня, которое предшествовало конгрессу (см.: 5ème Congrès international des linguistes. Réponses au questionnaire. Bruges, 1939. P. 5—24; Réponses (Suite). Bruges, 1939).

⁶ *Th. H. Maurer*. *Unity of Indo-European Ablaut System: the Disyllabic Roots // Language*. 1947. Vol. 23. № 1/2. P. 1—22; *B. Schwartz*. *The Root and its Modification in*

исследования закономерностей структуры индоевропейского корня подчеркивается нашими лингвистами. В работах крупнейшего слависта-компаративиста старшего поколения проф. Л. А. Булаховского отмечается, что именно в этой области новые исследования показали все значение сравнительно-исторического метода: как указывает Л. А. Булаховский, «сравнительно-исторический метод в гораздо большей степени, чем можно было думать еще в начале XX в., дает возможность исследовать древнейшую структуру индоевропейских корней»¹. Выдвинутые Куриловичем и Бенвенистом теории строения индоевропейских корней подвергались критическому рассмотрению в работах наших ученых²; в исследовании проф. А. А. Белецкого изучалась проблема фонетического строения индоевропейских корневых морфем на материале древнегреческого языка³.

Теория строения индоевропейского корня в сравнительно-историческом языкознании конца XIX и XX вв. тесно связана с теорией чередования гласных. Уже древнеиндийские языковеды, внимательно анализируя строение морфологических единиц древнеиндийского языка, создали классификацию корней и их звуковых видов, зависящих от различных ступеней огласовки *dhātu* (корня). Влияние теорий древнеиндийских лингвистов и воздействие взглядов арабских и еврейских ученых, изучавших структуру корня и чередования гласных в корне в семитических языках, сказывалось уже в первых работах языковедов XIX в., касавшихся проблемы структуры корня в индоевропейских языках⁴. Однако несовершенство методов и недостаточность ма-

Primitive Indo-European // Language Dissertation № 40 (Supplement to: Language. 1947. Vol. 23. № 1); K. Ammer. Studien zur Indogermanischen Wurzelstruktur // Die Sprache. Wien, 1952. Bd. 2. H. 4. P. 193—214; W. P. Lehmann. Proto-Indo-European Phonology. Austin, 1952. P. 14—18, 106—107; C. Hj. Borgström. Internal Reconstruction of Pre-Indo-European Word-Forms // Word. 1954. Vol. 10. № 2/3 (Linguistics Today). P. 275—287.

¹ Л. А. Булаховский. Вопросы исторического развития языка в свете работ И. В. Сталина по языкознанию // Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина. 2-е изд. М., 1952. С. 235.

² А. А. Белецкий. Принципы этимологических исследований. С. 21—24, ср. с. 237—238; А. И. Смирницкий. К вопросу о сравнительно-историческом методе в языкознании // Вопросы языкознания. 1952. № 4. С. 17—18.

³ А. А. Белецкий. Принципы этимологических исследований. С. 238, ср.: И. М. Тронский. Очерки из истории латинского языка. М.; Л., 1953. С. 101.

⁴ Неизмеримо меньшее значение в этой области имела античная традиция. Утверждение о наличии «понятия об однослоговой базе» у Филоксена (*J. Whatmough. Root and Base in Indo-European // Harvard Studies in Classical Philology. Cambridge, 1943. Vol. 54. P. 10*) является безусловным преувеличением, так как Филоксен «до различения корня и суффикса... не доходит» (*И. Тронский. Проблема языка в античной науке // Античные теории языка и стиля. М.; Л., 1936. С. 23*). Не имеет реальной почвы и утверждение Младенова о наличии теории «корневых расширителей» у Сократа, см.:

териала, находившегося в распоряжении лингвистов первой половины XIX в., препятствовали тому, чтобы в сравнительно-исторической грамматике были сделаны все возможные выводы из теории чередования и классификации корней (в частности, корней *set* и *anit*), намеченной еще древнеиндийскими грамматиками¹. Впервые эта задача была выполнена в работе Ф. де Соссюра «Исследование о первоначальной системе гласных в индоевропейских языках»², которой открывается новый период в истории изучения индоевропейских корней.

Исходя из анализа индоевропейских чередований, Соссюр выдвинул гипотезу о существовании в общеиндоевропейском языке фонем *A*, *Q*. Согласно Соссюру, система индоевропейских чередований была единой: по образцу чередований кратких гласных типа *er : r* чередование, наблюдаемое при изучении корней с долгим гласным \bar{e} , Соссюр рассматривал как *eA : A*; точно так же $\bar{o} : o$ Соссюр рассматривал как *eQ : Q*³. Из этого Соссюр сделал вывод о происхождении индоевропейских долгих гласных из сочетаний кратких гласных с фонемами *A* и *Q*.

Для доказательства своей теории происхождения долгих гласных Соссюр использовал сопоставление VII и IX классов древнеиндийских глаголов. VII класс древнеиндийских глаголов характеризуется вставкой инфикса *na-* < **ne-* перед последней фонемой корня: напр., 1 л. ед. ч. действ. зал. наст. вр.

5ème Congrès international des linguistes. Réponses au questionnaire. P. 7. При всем остром интересе к этимологическому анализу, который проявляли многие древнегреческие ученые (ср.: *А. А. Белецкий*. Указ. соч. С. 25—27), недостаточное понимание принципов морфологического анализа не позволило им создать теорию корня, подобную той, которая имела у древнеиндийских языковедов.

¹ Эти недостатки сказываются и в тех работах ученых середины XIX в., которые содержат ценные мысли, относящиеся к теории корня. Акад. И. И. Давыдов дал краткую классификацию структурных типов («разрядов») «корней, общих всем славянским наречиям» (Опыт общесравнительной грамматики русского языка. СПб., 1852. § 63. С. 45). Этот параграф труда акад. Давыдова представляет несомненный интерес как один из первых опытов решения вопроса, до настоящего времени привлекающего внимание славистов (ср., напр., опубликованную через сто лет после выхода в свет грамматики Давыдова статью: *А. Dostál*. K otázce slovotvorných typů, zvláště slovanských // Studie a práce lingvistické. I. K šedesátým narozeninám akademika Bohuslava Havránka. Praha, 1954. С. 102—106, где рассматривается эта же проблема). Но в то же время в этом разделе работы И. И. Давыдова имеются такие серьезные ошибки, как употребление термина «буква» вместо «звук» (ср., однако, об их различии: Там же. С. 31. § 24).

² *F. de Saussure*. Mémoire sur le système primitif des voyelles dans les langues indoeuropéennes (1879), см.: Recueil des publications scientifiques de Ferdinand de Saussure. Heidelberg, 1922.

³ *F. de Saussure*. Recueil des publications scientifiques. P. 127 (*a*₁ Соссюра соответствует обычному обозначению *e*).